
В. М. Букатов

**Клиповые изменения в восприятии,
понимании и мышлении современных школьников —
досадное новообразование постиндустриального уклада
или долгожданная реанимация психического естества?**

V. M. Bukatov

**Clip changes in the perception, understanding and
thinking of modern schoolchildren —
negative neoplasm of postindustrial way or
long-awaited resuscitation of the psychic nature?**

Технический прогресс и художественный авангард с XIX века стали катализаторами житейского противостояния диктату книжно-центрической культуры. Школа навязывает ученикам чтение книг как защиту от клиповой заразы, вместо того чтобы готовить их к жизни в парадоксальных условиях информационной лавины. Для этого необходимо линейные монологи учительских объяснений на уроках трансформировать во фрагментарно-индивидуальный диалог ученических пониманий.

Ключевые слова: клиповое мышление, восприятие, чтение, люди книги, люди экрана, текстоцентризм, учебник, расписание уроков, информативность, изложение, смысл.

Одна из поэм-размышлений Валентина Сидорова эффектно начинается строчкой-медитацией: «*Ты должен повторять и повторяться*». Этот афоризм оказался уместным и в статье о культурологических аспектах психолого-педагогических проблем клиповых характеристик восприятия, мышления и понимания, потому что к установившемуся пониманию слова «клиповый» как к обозначению чего-то фрагментарного, обрывочного и разрозненного поэтическая формулировка удачно добавляет тему *трафаретной ритуальности* (информативности штампов) и *обрядовой периодичности* (сакраментальности повторов) [9, с. 491].

Если в книжной культуре весьма драматичным является противостояние цитирования и плагиата, то при клиповом восприятии грани этого противостояния стираются. Значимость формы пересказа чужих мнений, утверждений и доводов теряется, уступая главное место повторению самого смысла, трансляции сути содержания, что приближает излагаемую информацию к стилистическому естеству разговорной речи.

Подчеркнем, что сама статья возникла из мозаики мнений, аргументов и комментариев разных авторов, высказанных ими в разных работах, прочитанных нами в разное время. Но среди исходных осколков, фрагментов и воспоминаний существенная доля приходится на материалы статьи культуролога К. Фрумкина «Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры» [10].

В свое время эта статья нас приятно удивила, так что на нашем сайте пришлось разместить ее свободный пересказ-конспект для заинтересованных педагогов, психологов и родителей [2]. Позже было решено в схожем ракурсе заново рассмотреть недовольство родителей и учителей нежеланием детей читать книги — ни художественные, ни учебные, ни научно-познавательные, что в итоге привело к появлению данной статьи.

Добавим, что, по признанию культуролога К. Г. Фрумкина, катализатором его размышлений, рассуждений и умозаключений стало издание на русском языке книги Умберто Эко и Жан-Клода Карьера «*Не надейтесь избавиться от книг!*» [4]. Умберто Эко (р. 1932) — знаменитый итальянский писатель, ученый-медиевист и семиотик. Жан-Клод Карьер (р. 1931) — известный французский романист, историк, сценарист, актер, патриарх французского кинематографа.

Содержание книги — запись их бесед, в которых по ходу обсуждения то технических вопросов, то трудностей, связанных с гигиеничностью экранов и дешевизной переносных электронных устройств, то вариантов решения проблемы авторского права внутри компьютерных сетей, речь идет об онтологических *рисках* в развитии и культуры чтения, и существования бумажных книг в современном постиндустриальном обществе.

Обсуждаемые темы оказались благодатной почвой для рассмотрения клиповых проблем современного образовательного социума в оригинальном историко-культурном ракурсе.

Напомним, что определение «клиповое» обрело популярность примерно в середине 1990-х годов. И почти сразу эта характеристика стала восприниматься как своеобразный терминологический диагноз, без разбора прилаживаемый к процессам, связанным и с самим *восприятием* информации, и с ее *усвоением*, и с ее *использованием*. И даже — с *формированием* у молодого поколения специфических мировоззренческих установок и (или) клише.

Считается, что клиповое восприятие (мышление, понимание) обеспечивает способность интернет-поколению быстро переключаться и легко ориентироваться в разрозненных фрагментах информации. Именно поэтому у молодых людей обычно привычка к многозадачности оказывается неплохо натренированной. Современные школьники одновременно могут слушать музыку, общаться в чате, бродить по Сети, попутно редактируя фото и рассылая селфи. При всем при этом многие из них даже умудряются параллельно выполнять, причем весьма неплохо, заданные на дом уроки.

Спасает ли чтение от клиповой заразы?

В обиходно-беллетристическом употреблении рассматриваемого термина-диагноза два момента весьма спорны. Во-первых, словосочетание «клиповое мышление» (восприятие, понимание, мировоззрение) часто выдается как характеристика, принадлежащая исключительно молодежи, детям и тинейджерам.

Во-вторых, в слове «клиповое» угадывается предвзятое приписывание явлению исключительно негативного значения. Раз «клиповое», значит зловерное, с чем следует незамедлительно начинать бороться.

Но если, например, с *рассеянным вниманием* школьников в США до сих пор родители с помощью врачей борются медикаментозно, то для борьбы с *клиповой* заразой в России был выбран путь наказания *чтением* (!), то есть во имя спасения внимания современных детей и подростков было принято решение *заставлять* (побуждать и (или) вынуждать) их как можно больше **читать**.

Тут же возникли «образовательные услуги» в виде платных специальных тренингов, руководители которых спешили убедить родителей, что именно их методики помогут «дефектным» чадам научиться *сосредоточивать свое внимание* на одном предмете, *вникать в смысл* прочитанного (сказанного и (или) увиденного). Возможно, подобные тренинги кому-то какую-то пользу приносили и принесут (как в йоге порой приносят пользу тренинги по развитию медитативных навыков), но панацеей от клиповых поветрий они стать не могут.

О том, что в процессах восприятия, мышления и формирования мировоззрений существуют этапы определенной фрагментарности, несвязности и разрозненности, то есть самой настоящей клиповости, на самом деле было известно давным-давно и не один век. Клиповый подход (в восприятии ли, в понимании ли) — это вполне *естественный* вектор в освоении человеком новой для себя информации. И возник он не вчера и исчезнет не завтра.

Конфликт между традиционной текстоцентрической книжной культурой и клиповым стилем восприятия сегодня неслучайно ярко проявляется именно в современной школе. Если любой взрослый человек считает, что библиотеки и музеи, например, ему не нужны, то он в них просто не ходит. И никто за ним никакого конвоя не присылает и посылать не собирается...

А вот в школе (и в начальных классах, а в средней и старшей школе в особенности) текстоцентрическая книжная культура предстает перед детьми и их родителями в виде мощной административно-принудительной силы. Только в школе людей, не склонных к чтению книг, изо дня в день заставляют читать [10, с. 28]. И для контроля заставляют не только пересказывать прочитанное, но и читать на скорость под включенный секундомер [8, с. 14].

Изобретение Гутенберга и появление школьной диктатуры книжного текстоцентризма

Книга стала уникальным и значимым **культурообразующим фактором** благодаря гениальности Гутенберга — ювелира, изобретателя, немецкого первопечатника. В середине XV века он разработал гениальный способ книгопечатания — *подвижными литерами*.

Благодаря этой технологии и сами сочинения, и их копии получали возможность быть убористыми, гарантированно разборчивыми и технологич-

ными в изготовлении. Все это позволило распространять книги среди гораздо большего числа читателей, чем раньше.

Вереницы европейцев, открывая переплеты печатных книг, приобщались к таинству встречи с длинным монологом, посвященным какой-то одной предметной области. И все большее число людей понимало, что для восприятия этого таинства им будет необходимо **отстраниться** от забот, связанных с окружающей их реальной жизнью.

Появление «быстропечатных» книг обеспечило форсированное формирование, шлифовку и распространение традиции библиофильства, сопровождающейся уверенностью, что любовь к чтению — занятие замкнутой касты интеллектуалов, которые могут позволить себе роскошь заниматься одной-единственной и весьма узкой задачей — внимательно следить за ходом чужой мысли, создавая в своем воображении связную картину изложенного автором повествования.

Со времен дремучего Средневековья в школах, как правило, монастырских, повсеместно и неукоснительно стала насаждаться *диктатура текста*. После Гутенберга школьным библиотекам пополнять свои книгохранилища стало намного проще. Многочисленность «единиц хранения» стала символом информационной преемственности с культурой прошлого (навекі возведя *консервативно-просветительную* функцию образовательной деятельности в ранг основной), что делало учебные учреждения реальными центрами формирования, укрепления и распространения навязчивого монотона текстоцентрической книжной диктатуры.

Заметим, что во все времена были люди как «текстового», так и «нетекстового» склада. Последние в текстоцентрическую культуру бумажных и (или) пергаментных книг и (или) рукописей, как правило, не укладывались, поэтому их обучение шло с трудом.

Именно таких учеников обычно считали неуспевающими, малоспособными. После окончания школы многих из них ждал удел исключительно физического труда. Тем не менее некоторые из этих учеников, вдоволь нахлебавшись всевозможных неприятностей из-за плохих отметок по языку и (или) математике, пробивались-таки наверх.

Некоторые родители, чтобы оградить своих детей от печальной участи получения *плохих отметок*, с рождения готовили своих чад к тяготам текстоцентрической школы, стараясь подавить, заглушить или компенсировать рудименты *нетекстового* (то есть дотекстового) стиля восприятия, мышления, сознания.

Сегодня сердобольным родителям с готовностью предлагают свою помощь по «профилактике плохих отметок» и воспитатели в детских садах, и различные учителя подготовительных групп, классов, курсов, и частные гувернеры и репетиторы, и телепередачи коммерческих каналов кабельного телевидения, и, уж конечно, специализированные сайты с постами в социальных сетях Интернета. Подобные предложения оказываются востребован-

ными, потому что уже много веков в нашей культуре и обществе безраздельно царит диктатура книжно-текстового уклада.

Деление на людей книг и людей экрана

В некоторых учреждениях, связанных с *информационными технологиями*, продвинутая администрация для удобства управления персоналом делит подчиненных на два типа.

Первый — это так называемые люди книг. Они предпочитают извлекать большую часть информации из чтения. Поэтому их главная отличительная черта — продолжительный объем внимания в работе с бумагами. Это они во время переговоров всегда помнят о том, какой вопрос является основным в обсуждении. Что и делает их вполне успешными топ-менеджерами.

Второй тип — люди экрана. Они кардинально отличаются от первых. Главное в стиле их работы — очень быстрый отклик на происходящее. Что само по себе обычно весьма приветствуется. Хотя иногда и мешает деловой координации с другими. Например, с теми, кто не так быстро вникает в ситуацию.

Очевидно, что администрации при разумном руководстве будут нужны кадры и одного, и другого типа, то есть как люди книг, так и люди экрана.

Клипový характер восприятия у людей экрана обеспечивает большую *скорость* обработки информации. Зато обратной стороной их клиповой виртуозности является быстрая утомляемость, которая особо быстро наступает при восприятии *линейной* и (или) *монотонной* подачи информации, как, например, в книжном убористом тексте, или по ходу затянувшегося делового совещания (во время которого именно люди экрана постоянно хотят сменить тему и двигаться дальше).

Распространение среди докладчиков моды:

- на демонстрацию во время своих выступлений поясняющих графиков, таблиц и схем;
- на использование экранов, мониторов и интерактивных досок;
- на обращение к эмоциональным байкам-заставкам, художественным метафорам и образным сравнениям —

говорит о серьезном признании заслуг людей экрана в научном мире [10, с. 28]. Организаторы даже настойчиво рекомендуют участникам в ходе презентаций своих научных докладов ускорять мелькание демонстрируемых слайдов. Подобные рекомендации иллюстрируют востребованность именно такого стиля работы даже на международных конференциях и солидных совещаниях.

Умение сосредоточивать свое внимание на одном предмете, безусловно, очень важно. Умение быстро переключаться на новые задачи и быстро входить в незнакомую ситуацию — тоже весьма важное качество. Парадокс в том, что эти навыки одинаково необходимы любому человеку. Но они антагонистичны: реактивность развивается за счет сосредоточенности, и наоборот.

И сегодня толком никто не может объяснить, какую же *пропорцию* между ними следует считать идеальной.

О пошаговом возрождении уклада докнижной эпохи

И если изобретение Гутенберга положило начало диктату *книжно-линейной* эры в культуре человечества, то первые существенные шаги в направлении реанимации докнижной культуры были сделаны задолго до появления компьютерных игр и социальных сетей.

Культуролог Фрумкин справедливо подчеркивает, что первое громкое, масштабное и массивное противостояние диктатуре книжной культуры в европейской культуре было осуществлено *газетной империей*. Это ее стараниями была отшлифована и узаконена особая специфика в изложении информации, которая так и стала именоваться — газетный стиль подачи материала, ставший **предтечей** клиповых реплик в современных соцсетях.

Подчеркнем, что газетная стилистика давно приводила европейских интеллектуалов, поборников книжной линейности в традиционной европейской культуре, к мысли, что газета является страшной антикультурной силой, потому что каждый выпуск газеты предлагает читателям достаточно непредсказуемое разнообразие каких-то коротких и почти несвязанных между собой текстов.

Эстеты опасались, что чтение газет приводит человека к особому типу мышления — поверхностному и разбросанному, что газеты делают сознание читателей клишированным тенденциозностью своих статей, что заядлое чтение ежедневной периодики отвращает людей от более сложной интеллектуальной продукции.

К концу XIX века подобные взгляды получили хождение даже среди интеллектуалов средней руки. Тогда как, например, А. П. Чехов, сочинения которого, по исследованиям ЮНЕСКО, будут у читателей XX века считаться «самыми популярными в мире», не гнушался сотрудничать именно с газетными издательствами. Поставляя им фельетон за фельетоном, он пренебрегал предостережениями своих друзей и недругов.

Правда, Чехов долго не мог забыть злобное «пророчество» критика А. Скабичевского. Дело в том, что после выхода *первого* (!) сборника за подписью А. Чехонте (Пестрые рассказы. СПб., 1886), составленного писателем из своих газетных фельетонов, юморесок и зарисовок, пресловутый критик, перечислив сюжеты основных рассказов сборника, провозгласил его содержание наярчайшим примером досадной гибели таланта, растраченного на работу в газетенках (!).

Критик не побоялся даже утверждать, что автору сборника, дескать, придется «подобно выжатому лимону... в полном забвении умирать где-нибудь под забором» [11, с. 448].

Мало того, даже потом — уже в XX веке — случай с первым сборником рассказов знаменитого Чехова не заставил критиков своевременно и серьез-

но призадуматься. И даже Г. Гессе — лауреат Нобелевской премии! — в своем замечательном романе «Игра в бисер» не поленился отвести несколько страниц обстоятельному осуждению фельетонов [10, с. 31].

С позиций линейно-книжной, элитарной, снобистской культуры, он, идя след в след за второсортным русским критиком конца XIX века, усматривал в фельетонах только опошление, пустоту популяризации и бесполезную трату творческого потенциала, не разглядев в них (пусть даже в специфических условиях немецкой прессы 1930-х годов) принципиальную естественность тенденции измельчания тех линейно-текстовых форматов, которые общество тоталитарно навязывало своим современникам как единственно заслуживающие доверие и уважение [10, с. 31].

Языковое «свинство» телеграфистов

Самой большой свиньей, подложенной под хвост самодовольству книжной культуры, стало появление в первой половине XIX века электрического телеграфа. Но его *клиповая* пагубность для книжной стилистики была осознана не сразу.

Развитие электросвязи стимулировало невиданное до тех пор дробление информационных сообщений. В разы усилилась краткость передаваемой информации, что определило очередные подвижки чинной линейно-книжной культуры в сторону реанимации (или реабилитации) докнижной стилистики.

Предельная лаконичность телеграфного языка сначала показалась забавным открытием, невинным новшеством. Но вскоре пришло понимание, что эта мода возрождает хорошо забытое старое (например, клиповую лаконичность берестяных грамот).

Подвох оказался в слишком устойчивой популярности телеграфной лаконичности среди широких кругов населения. Дело в том, что долгое время отправители телеграмм, усердно стараясь сэкономить деньги, вполне легально и успешно обходились без предлогов и союзов. Что для традиционной книжной культуры было неслыханной дерзостью.

Свою лепту в дело реанимации элементов докнижной стилистики внесла и **Первая мировая война**. Она стала «предлагаемым обстоятельством» (по Станиславскому) феноменального распространения в русском языке *аббревиатур*. Причиной появления этого — весьма уродливого с академической точки зрения — поветрия стало развитие телеграфно-новостных каналов связи в условиях военных действий.

Но мода на аббревиатуры быстро перекинулась и на мирную жизнь. А все потому, что соответствовала одному из естественных векторов в реабилитации докнижной стилистики в повседневной жизни простых граждан. (Добавим, что в то время на рудименты докнижной стилистики то и дело стали наткаться равнодушные исследователи-лингвисты, наконец-то признавшие уникальность, например, детских «тарабарских считалок».)

В XX веке аббревиатуры стали настолько привычными, что без них сегодня уже не обходятся ни в деловых, ни в административных, ни в эпистолярных текстах.

А еще телеграф породил телеграфные агентства, которые в свою очередь принялись пропагандировать свой особый жанр — информационное сообщение. Основными параметрами этого жанра стали *сверхкраткость* и *полное* отсутствие риторических или интеллектуальных украшений. Когда газеты в начале XX века начали тиражировать сообщения телеграфных агентств без какой бы то ни было литературной правки, последние оказались *эталон*ом в вопросах концентрации смысла.

О квазиупорядоченности журнальных и газетных изданий

К появлению клиповой стилистики в жизни современной молодежи следует относиться не как грому с молнией среди ясного дня, а как к *ягодкам*, неспешно созревшим на неброских и давным-давно одревеневших плетях, скромно, но крепко цепляющихся за могучие столпы книжной культуры. Клиповые способы восприятия-понимания-изложения — не новообразование, а результат давно протекающих в обществе процессов по возрождению приемов докнижной стилистики, остававшихся до поры до времени скрытыми и завуалированными. И пока чаша не переполнилась, потеря очередной пяди «книжно-линейного императива» особо не бросалась современникам в глаза и обычно не вызывала беспокойства.

Так, например, журналы и газеты хотя и состоят из отдельных *разрозненных* статей и заметок, но объединяются в номера или выпуски. А те в свою очередь делятся на разделы, создающие видимость упорядоченности по некой иерархии. Это сглаживает таящиеся в них антилитературные тенденции, подтачивающие диктат линейно-книжных традиций восприятия-понимания-изложения.

Номера газет и журналов представляют собой *консенсус* между желанием собрать как можно больше разнообразных фрагментов информации и *квазикнижной* формой выпуска печатного издания. Разделы и рубрики призваны придавать статьям как бы функцию глав (в умах большинства рядовых читателей, воспитанных на диктате книжной стилистики).

Против этих привычных предпочтений населения уже с конца XIX века (то есть задолго до появления компьютеров и Интернета!) был объявлен самый настоящий крестовый поход представителями художественного авангарда — литераторами, художниками, архитекторами и сценаристами [10, с. 32].

В результате к началу XX века параллельно победоносным шествиям невразумительных аббревиатур и вызывающей лаконичности телеграфных агентств в социально-деловых и художественно-творческих сферах развернулись не менее грандиозные эксперименты, диверсии и баталии, связанные с откровенным поворотом к дотекстовой эстетике.

Клипковые брожения художественного авангарда

В искусстве начала XX века громогласно заявляет о своем существовании футуризм. Авангардные брожения его последователей напрямую были связаны с научно-техническим прогрессом. Наиболее внятно об этом заявил итальянский литератор Ф.-Т. Маринетти.

В феврале 1909 года он опубликовал «Манифест футуризма», провозглашающий создание нового художественного направления, призванного соответствовать реалиям современной цивилизации (!) с ее техническим прогрессом. Ключевыми для всех видов футуристического искусства (лат. *futurum* — «будущее») были объявлены понятия «скорость» и «динамика».

В манифесте приводился такой пример футуристского толкования современной живописи: «Все движется, все бежит, все быстро меняется. < ... > Устойчивость изображения на сетчатке глаза заставляет движущие предметы множиться, деформироваться, следовать друг за другом, словно это вибрации в пространстве, которое они преодолевают. И у бегущей лошади уже не четыре ноги, а двадцать, и рисунок их движения становится треугольным» [5, с. 125].

Эпатажи кубизма, абстракционизма, футуризма, лучизма, супрематизма, дадаизма и т. д. стали сменять друг друга с клиповой скоростью. Авангардистские экспериментирования с разложением книжной линейности смысла на *несвязные фрагменты* заполнили рисунки, холсты, поэмы, романы и театральные подмостки. Если футуристическая живопись нарезала мир на кубики и лучи, то литераторы-модернисты изощрялись в ломке монотонного центризма линейно-текстового повествования.

По меткому замечанию культуролога Фрумкина, когда Василий Розанов писал свои «Опавшие листья» (1913), то он явно был первооткрывателем «Живого журнала», хотя и не знал этого [10, с. 32].

Его современник дадаист Тристан Тцара тогда же предложил разрезать поэмы и вытаскивать слова или фразы из шляпы в произвольном порядке, создавая новое произведение (вместо того чтобы, распутывая ниточки смысла, восстанавливать логику реализации авторского замысла).

Подобная акция сама по себе не была художественно значимой, но ее появление оказалось чрезвычайно симптоматичным. И с тех пор историки литературы неизменно называют Тцару предтечей особой авангардистской технологии — нарезки *cut-up*, разрушающей в художественных произведениях традиционную книжную линейность (что в XXI веке было взято на вооружение даже школьными учителями в лице последователей социоигровой «режиссуры урока» [3, с. 31]).

Прагматизм школьных издевательств над здравым смыслом

Отыскивая рудименты докнижной стилистики в современной жизни и (или) их потенциальные угрозы благополучию традиционного книжно-линейного императива в головах наших современников, нельзя обойти вниманием и ряд весьма несуразных особенностей школьного образова-

ния. Недаром многие из родителей-интеллектуалов искренне считают: ничто так не вредит детской любви к книгам и к чтению, как школьный процесс образования.

Ученик приходит в школу с портфелем (рюкзак), набитым тетрадками и книжками. Только вот последние книжками можно назвать лишь условно. Ибо это — учебники! Которые приходится детям читать совсем не так, как настоящие книги, то есть не с начала до конца и не одну за другой (или по две книги параллельно).

Учебники рассчитаны на иное чтение. Чтобы их читали отрывками. По одному заданному параграфу. И читали бы не просто отрывочно, но и обязательно вперемешку с параграфами из учебников по совсем другим предметам, то есть чтобы дети воспринимали, понимали и запоминали кусочки учебных тем, между собой не связанными ничем, кроме расписания занятий [10, с. 34].

Школьное расписание — настоящее издевательство над диктатом книжной культуры. Точнее, над всей *гутенберговской* идеей линейно-текстовой последовательности в изложении и восприятии информации.

В школьном расписании одному предмету и восприятию соответствующего фрагмента из соответствующей учебной книги отводится, как правило, не более 45 минут. Затем внимание ребенка после непродолжительной и суетливой перемены обязательно будет переключено на совершенно другой предмет с чтением куска из текста в другом учебнике.

Школа, разумеется, из века в век руководствуется этим рваным режимом не из-за дурного вкуса методистов, а из-за грандиозности (!) стоящих перед нею образовательных задач. Ведь каждому учителю за ограниченный срок следует успеть впихнуть в голову учеников большой пакет не только знаний, но и пресловутых компетенций, специально оговоренных в очередных ФГОСах нового поколения.

Школьные учителя на своих уроках, в прагматических целях увеличивая плотность и разнообразие сообщаемой информации, по сути дела подменяют объявленную тренировку линейно-книжных навыков последовательного поглощения «гомогенного информационного потока» эксплуатацией случайных навыков быстрой скачки внимания детей по несвязным информационным потокам (когнитивных пробежек, скольжений, перепрыгиваний). Чтобы потом возникшую у своих учеников неразвитость навыков усидчиво-монотонного вчитывания в смысловые лабиринты убористого текста сваливать на дурное влияние компьютерных игр и социальных сетей.

Лавина дефектных учебников для просвещения новых поколений

В прошлом веке, когда М. С. Горбачев объявил перестройку, многие учителя, облегченно вздохнув, стали открыто заявлять о позорном отставании системы школьного обучения от требований жизни. И наперебой стали предлагать способы устранения недостатков. Способы в основном сводились

к желанию учителей создать по своему предмету собственную авторскую учебную программу (часто наполовину пиратскую).

Ученикам же для работы по новым программам нужны были и новые учебники. А таких учебников не было. И школьные учителя, точнее, наиболее смелые, хваткие, знающие и начитанные из них, засучив рукава, принялись создавать новые учебники. Пользуясь тем, что монополия издательства «Просвещение» в то время была ликвидирована.

К концу прошлого — началу нынешнего века в отечественном образовании появилось море новых учебников. И авторских, и соавторских, региональных и внутришкольных, академических и авангардных, бумажных и электронных.

Но, несмотря на пестрый веер разнообразия, качество практически всех новых учебников оставляло желать лучшего. Наружу вылезали то методические прорехи доморощенных учебных программ, то психологическая некомпетентность автора, то его методологический волюнтаризм.

Самыми же распространенными недостатками новоиспеченных учебников были их многословие, невнятность изложения и стилистическая наукообразность.

Известно, что учителя не прочь пожаловаться на современных школьников, которые, дескать, не могут *пересказать* прочитанное, что написание *изложений* им дается труднее, чем написание *сочинений* [10, с. 27]. Но практически никто из школьных учителей не рассказывает о том, как они на своих уроках учат школьников умению понимать прочитанное. Когда бы учителя занялись подобной целью, им бы открылось реальное качество сегодняшних учебников.

Зубодробительность учебных экзерсисов

Если открыть учебник «Окружающий мир» для 2-го класса, например, на разделе «Природы дивная краса», то второклассников ждет такой текст.

Красота неба

Воздух, окружающий Землю, рассеивает лучи Солнца и создает над нами голубое небо.

Прелесть Земли была бы неполной без красоты неба. Голубое, а иногда пасмурное, грозное, оно радует глаз, вливает в душу чувство простора и свободы.

В иные минуты, особенно в предзакатные мгновенья, небо бывает столь неожиданно и ошеломляюще красиво в своем цветовом горении, что, кажется, никакой художник на свете не способен передать все это грандиозное представление.

Общение с необъятно глубоким и безграничным небом возвышает душу человека.

И. Смолянинов

Содержание приведенного учебного текста даже взрослому человеку *пересказать* практически невозможно. Под видом игровой подачи (якобы для

стимулирования интереса учащихся!) второклассников пичкают практически невразумительными экзерсисами. Вдумаемся в формулировку — **«Прелесть Земли была бы неполной без красоты неба»** [6, с. 51]. Это о чем? Это **кто, кому и зачем** сообщает?

Чтобы пересказать текст, необходимо понять «предлагаемые обстоятельства» использования родного языка: кто говорит, кому, о чем и зачем? Второклассник в этом тексте — о возвышающем душу общении с необъятно глубоким небом — не сможет найти ответы на эти вопросы. Поэтому и логично пересказать содержание заданного на дом параграфа он будет не в состоянии.

Не сможет он объяснить и вытекающий из учебной темы вывод, который крупным шрифтом напечатан после приведенного текста: **«Чистый воздух — одно из главных богатств природы, которое необходимо охранять»**. И это в учебнике, который многие из учителей считают самым удачным (учебники других авторов много хуже).

Ученики с начальной школы приучаются к мысли, что ради отметок в школьном журнале не стоит ломать себе голову над абракадаброй школьных учебников. Лучше заняться изучением новой и действительно увлекательной электронной игры или углубиться в перелистывание реплик друзей в соцсетях.

И так все четыре-шесть уроков каждый рабочий день. Все одиннадцать лет обучения. Практически в учебниках по каждому предмету школьников ждет не просто монотонно-линейное, но и весьма трудноперевариваемое содержание.

Теперь заглянем в один из учебников для средней школы. География для 8-го класса: «§ 13. Внешние процессы, формирующие рельеф, и связанные с ним стихийные явления».

Подчеркнем, что пересказать (или запомнить) даже название параграфа из современных учебников — уже проблема! Нет бы ограничиться простой формулировкой «Формирование рельефа», так нет же, авторы многим параграфам в школьных учебниках сочиняют заголовки, уместные если не в диссертациях аспирантов, то в дипломных работах вузовских выпускников.

Сам учебный текст, несмотря на убогое форматирование, занимает четыре страницы (без учета иллюстраций). Практически в каждом абзаце без труда можно обнаружить какой-нибудь зубодробительный экзерсис. Например: «При неглубоком залегании водоупорных пород и особенно при чередовании водоносных и водоупорных слоев происходит соскальзывание переувлажненных верхних пластов по водоупору. Возникают оползни» [7, с. 72]. (Обратим внимание, что если приведенное предложение, следуя, например, «клиповым советам» дадаиста Тристана Тцары, разрезать на кусочки длиной в два-три словосочетания, то подразумеваемый автором смысл начнет-таки проясняться. А уж если перемешать кусочки как пазлы, то

школьникам собирать их в исходном порядке станет интересно. Особенно если соседняя команда уже предлагает свой неожиданный и (или) интересный вариант [1, с. 77].)

От монолога учительского объяснения к диалогу ученического понимания

Причин реальной или мнимой *деградации* современных школьников наверняка много, но разобраться в их иерархии достаточно просто. Несомненно, что на мотивацию учащихся прежде всего влияет социальная неэффективность современного образования, то есть вокруг сегодняшних учеников слишком много примеров несовпадения уровня образованности с последующей социальной успешностью.

Сегодня, чтобы стать востребованным работником, необходимо иметь клиповые навыки работы с линейными текстами, то есть уметь без особого труда переводить их в краткие практические инструкции.

Клиповые навыки восприятия помогут выпускникам справляться с бурными потоками разнообразной информации, обеспечивая виртуозное переключение между воспринимаемыми фрагментами. Школьные же учителя, которые по поводу именно этих навыков льют слезы и твердят о вырождении поколений, являются, по сути дела, агентами средневековых представлений, «залипшими» на механическом заучивании текстов.

При рассмотрении с птичьего полета ситуаций, повсеместно возникающих в школах, становится очевидно, что существующая система образования, скорее всего, *тормозит* глобальные перемены в мышлении современников. А при ближайшем рассмотрении — *калечит* психику отдельно взятого ребенка, отданного родителями в школу для обучения.

Современная школа современной не является. В ней по-прежнему царит книжно-линейная диктатура, которая перестраиваться не собирается.

Линейные тексты — это монологи авторов (учителей, наставников). Реплики же читателей (учеников, собеседников) разбивают их тексты на более или менее случайные фрагменты. И в XXI веке именно такой интеллектуальный уклад становится все более и более привычным и востребованным. Поэтому правыми оказываются те учителя, которые не столько *борются* с клиповым восприятием и (или) пониманием учеников, сколько *приспосабливают* свой стиль работы на уроке к подобным запросам, интересам и особенностям учеников.

Тем самым учителя, преподавая свои предметы, готовят детей к реальной жизни в «предлагаемых обстоятельствах» нынешнего XXI века, а именно:

- 1) к геометрическому возрастанию объема актуальной для каждого человека информации (лично его задевающей за живое);
- 2) к сокращению времени, которое требуется для понимания, обработки, обобщения актуальной информации (когда быстротечность все чаще оборачивается мимолетностью);

- 3) к непредсказуемости в разнообразии поступающей информации (что создает проблемы с уяснением смысла контекста, с отбором и выделением главного, установлением причинно-следственных связей);
- 4) к увеличению числа актуальных дел, которыми приходится заниматься одновременно;
- 5) к усилению диалогичности на разных уровнях социально-коммуникативной системы.

О грядущих парадоксах повседневной культуры

Культуролог К. Г. Фрумкин, размышляя о судьбе книжной (линейно-текстовой) культуры, отмечает, что на наших глазах «теряется понимание, зачем, собственно говоря, нужна длительная последовательность в изложении мыслей, когда что-то полезное можно уложить в линейно несвязанные между собой кластеры» [10, с. 30].

И Интернет ежедневно подливает масло в огонь. Будучи наспигованным огромным количеством текстов, по объему и коротких, и гигантских, Интернет безотказно удовлетворяет самые разнообразные прагматические запросы своих пользователей. Что устойчиво обеспечивается его «высокой фрагментарностью информационного потока» [10, с. 33].

По прогнозу современных культурологов, у людей будущего, с их клиповыми предпочтениями в познании, если и сохранятся бумажные книги, то они, в отличие от современных, не будут объемными. Тексты в них будут короткими и рублеными (вроде реплик в «ЖЖ» или «Твиттере»), скорее всего, несколько коротких статей, ссылающихся друг на друга.

Рассмотрение клиповых тенденций в нашей постиндустриальной жизни приводят Фрумкина к мысли, что в XXI веке **риторике** суждено все больше становиться похожей на *диалектику*. А **проповедям** — на *дискуссию* [10, с. 33].

В самой же повседневной жизни наших современников место прежнего **избытка времени** (помните раздел «На досуге» в конце журналов 50–70-х годов?) займет его *дефицит*.

Эстетика же все чаще будет заменяться *прагматикой* (как это происходит, например, в современном дизайне (хай-тек) и архитектуре XXI века).

И хотя писатели по-прежнему будут тешить себя иллюзией, что их сочинения целостны, читатели будут знакомиться с ними все более фрагментарно, руководствуясь либо прагматикой, либо «счастливой случайностью», то есть клиповый уклад в постиндустриальном обществе повсеместно уподобит информационные сферы, образно говоря, овощным магазинам, в которых свёкла продается цельной, но употреблять ее покупатели будут в виде винегрета... [10, с. 36].

Technical progress and artistic avant-garde from the XIX century are the catalysts of everyday opposition to the dictates of book-centered culture. The school, imposes on students reading books as protection from clip infection, instead of preparing them for life in the paradoxical conditions of the information avalanche. For this purpose, it is necessary to translate linear

monologues of teachers 'explanations into lessons in a fragmentary-individual dialogue of pupils' understandings.

Keywords: clip thinking, perception, reading, people books, screen people, text/centrism, textbook, lesson schedule, in-formativity, presentation, meaning

Список литературы

1. *Букатов В. М.* Интерактивные технологии обучения: появления, характеристики, признаки и функции / В. М. Букатов // Новое в психолого-педагогических исследованиях. — 2014. — № 4. — С. 73–80.
2. *Букатов В. М.* Клиповое мышление как закономерный феномен современной культуры: вольно/подробный конспект-пересказ статьи Константина Фрумкина о судьбе линейных текстов «бумажных книг» и генезисе нового сознания [Электронный ресурс] / В. М. Букатов. — Режим доступа: <http://www.openlesson.ru/?p=25919> (дата обращения: 19.10.2018).
3. *Букатов В. М.* Нескучные уроки: обстоятельное изложение социо-игровых технологий обучения школьников / В. М. Букатов, А. П. Ершова. — Петрозаводск, 2008. — 188 с.
4. *Карьер Ж.-К., Эко У.* Не надейтесь избавиться от книг! : пер. с фр. и прим. О. Акимовой [Электронный ресурс]. — СПб., 2010. — 336 с. — Режим доступа: <http://book-online.com.ua/read.php?book=5917&page=1> (дата обращения: 19.10.2018).
5. *Маринетти Ф. Т.* Футуризм : пер. М. Энгельгардта. — М., 1914. — 241 с.
6. *Плешаков А. А.* Окружающий мир. 2-й класс. Ч. 1 / А. А. Плешаков. — М., 2011. — 128 с.
7. *Раковская Э. М.* География: природа России : учебник для 8-х кл. общеобразоват. учреждений / Э. М. Раковская. — М., 2000. — 301 с.
8. Резервы обучения чтению : Кн. для учителя / В. Н. Зайцев. — М. : Просвещение, 1991. — 32 с.
9. *Сидоров В. М.* Избранные произведения / В. М. Сидоров. — М., 1990. — Т. 1. — 543 с.
10. *Фрумкин К. Г.* Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры / К. Г. Фрумкин // Ineternum. — 2010. — Т. 1. — С. 26–36.
11. *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 1. Письма / А. П. Чехов. — М., 1974. — 584 с.

С. С. Видничук

К вопросу о роли наследственности и среды в развитии интеллекта

S. S. Vidnichuk

To the problem of the heredity and environment role in the intellectual development

В статье представлен подробный анализ проблемы наследственности и среды в развитии интеллекта. Рассмотрены различные взгляды на данный вопрос отечественных и зарубежных авторов с XVII до XXI века. Сделаны выводы относительно актуальности развивающих мероприятий, направленных на повышение интеллекта студентов.

Ключевые слова: интеллект, детерминация интеллекта, развитие интеллекта.

Проблема детерминации интеллекта — достаточно сложный и острый вопрос; особенно животрепещущим он оказался для зарубежной психологии, что связано с прошлой политикой некоторых государств. Хотя лженаучные оправдания геноцида, дискриминации и расовой сегрегации уже давно